

ГЛАВА I

Однажды вечером, в конце лета, когда нынешнему веку не исполнилось еще и тридцати лет, молодой человек и молодая женщина — последняя с ребенком на руках — подходили к большой деревне Уэйдон-Прайорс в Верхнем Уэссексе. Одеты они были просто, но не бедно, хотя густой слой седой пыли, накопившейся на их обуви и одежде, очевидно за время долгого пути, придавал им сейчас не слишком привлекательный, даже жалкий вид.

Мужчина был хорошо сложен, смуглый, с суровым лицом — в профиль его лицевой угол казался почти прямым. На нем была короткая куртка из коричневого плиса, более новая, чем остальные детали его костюма — бумазейный жилет с белыми роговыми пуговицами, короткие, тоже бумазейные, штаны, рыжеватые гамаши и соломенная шляпа с черной лентой. За спиной он нес на ремне тростниковую корзину, из которой торчала рукоятка ножа для резки сена и завязки для стягивания тюков. Шел он мерным, тяжелым шагом опытного сельского рабочего, резко отличающимся от неуверенной, шаркающей походки земледельцев, а в его манере выворачивать и ставить ступню чувствовалось свойственное ему упрямство и циничное безразличие, проявлявшиеся даже в том, как размеренно набегали и исчезали складки на бумазейных штанах то на левой, то на правой ноге, по мере того как он шагал.

Впрочем, пара эта была действительно своеобразная, и шли они в столь глубоком молчании, что это не могло не броситься в глаза случайному наблюдателю, в противном случае и не заметившему бы их. Они шагали бок о бок, так что издали могло показаться, будто люди, связанные общими интересами, ведут между собой тихий, непринужденный, душевный разговор; но при ближайшем рассмотрении

обнаруживалось, что мужчина читает или делает вид, будто читает, листок с отпечатанной на нем балладой, который он не без труда держал перед глазами рукой, продетой сквозь ременную петлю. Было ли это действительной причиной или лишь предлогом, чтобы избежать наскучивших ему разговоров, — этого никто, кроме него, не мог бы сказать, — только он упорно хранил молчание, и женщина не получала никакого удовольствия от его присутствия. В сущности, она шагала по дороге в полном одиночестве, если не считать ребенка, которого несла на руках. Иной раз согнутый локоть мужчины почти касался ее плеча, так как шла она настолько близко к своему спутнику, насколько можно идти, не задевая его, но ей, казалось, и в голову не приходило взять его под руку, да и он не помышлял предложить ей руку. Нимало не удивляясь его пренебрежительному молчанию, она явно принимала это как нечто вполне естественное. Если в маленькой группе и раздавались чьи-то голоса, то это был лишь шепот женщины, время от времени обращавшейся к ребенку, крохотной девочке в коротком платьице и голубых вязаных башмачках, и ответный лепет ребенка.

Главным, если не единственным, украшением молодой женщины было ее подвижное лицо. Когда она искоса поглядывала вниз, на девочку, она становилась хорошенькой, даже красивой, — жаркие лучи палящего солнца тогда сбоку освещали ее черты, отчего веки и ноздри ее казались прозрачными, а губы пылали огнем. Когда же, задумавшись, она молча брела в тени живой изгороди, лицо ее принимало суровое, почти апатичное выражение, какое бывает у человека, ожидающего от Времени и Случая всего, кроме, быть может, справедливости. Первое выражение было у женщины от природы, второе, вероятно, являлось плодом цивилизации.

Вряд ли у кого-нибудь могли возникнуть сомнения в том, что эти мужчина и женщина — муж и жена, родители ма-

ленькой девочки. Только этим и можно было объяснить атмосферу стародавней близости, которая подобно нимбу окружала шагавшее по дороге трио.

Жена почти все время упорно, хотя и без особого интереса смотрела вдаль, — собственно говоря, такой пейзаж можно было увидеть в эту пору едва ли не в каждом уголке любого графства Англии: дорога была не совсем прямая, но и не извилистая, не ровная, но и не холмистая, окаймленная кустами и деревьями того тускло-зеленого цвета, какой приобретают обреченные листья, прежде чем стать грязно-серыми, желтыми или красными. Трава у обочины и ближайšie ветви кустов были припудрены пылью, которой осыпали их мчавшиеся мимо повозки, — той пылью, что лежала на дороге, заглушая, словно ковер, шум шагов; и благодаря этому, а также упорной неразговорчивости путников все звуки окружающего мира отчетливо доносились до них.

Долгое время никаких звуков не было вообще, если не считать еле слышного чириканья какой-то птички, распевавшей стародавнюю вечернюю песню, которую, несомненно, можно было услышать здесь в тот же самый час и с теми же самыми трелями, каденциями и паузами на закате в эту пору года на протяжении бесчисленного множества веков. Но по мере приближения к деревне они слышали отдаленные крики и шум, доносившиеся с холма, который скрывали от них деревья. Едва вдали показались первые дома Уэйдон-Прайорса, как путникам повстречался крестьянин, который нес на плече мотыгу для рыхления брюквы; на конце ее болталась сумка с завтраком.

Мужчина, читавший балладу, тотчас поднял глаза.

— Можно там найти работу? — флегматичным тоном спросил он, указывая листком с балладой на видневшуюся впереди деревню. Полагая, что огородник не понял его, он добавил: — По уборке сена, скажем?

Но огородник уже замотал головой.

— Господи помилуй, дружище, да ты в своем уме, разве в эту пору можно найти такую работу в Уэйдоне?

— А домишко какой-нибудь нельзя здесь снять, пусть совсем маленький, еще не обжитый? — спросил пришелец.

Пессимист снова отрицательно мотнул головой.

— В Уэйдоне больше ломают, чем строят. В прошлом году снесли пять домов и в этом году три; людям деваться некуда — даже хижины с соломенной крышей не сыщешь. Вот как оно у нас в Уэйдон-Прайорсе!

Вязальщик сена — очевидно, он был вязальщиком — несколько пренебрежительно кивнул и, поглядев в сторону деревни, продолжал:

— Что это у вас там происходит, а?

— Да ярмарка у нас сегодня. Только этот шум и галдеж — все пустое: выманивают денежки у детей да у дураков, а настоящие дела уже кончились. Я весь день работал тут поблизости, но туда не ходил, нет! Не мое это дело.

Вязальщик и его жена продолжили путь и вскоре очутились на ярмарочном поле с загонами для скота, где ранее были выставлены, а теперь уже проданы сотни лошадей и овец, которых почти всех увели. К этому времени, как сказал огородник, с серьезными делами уже было покончено — для продажи с аукциона остались лишь животные похуже, которых не удалось сбыть с рук, ибо от них наотрез отказались более солидные скупщики, рано прибывшие и рано управившиеся. Однако толпа зевак была еще гуще, чем в утренние часы: теперь здесь появились люди более легкомысленные — свободные от работы поденщики, два-три солдата, приехавшие домой на побывку, деревенские лавочники и тому подобный люд. Для них полем деятельности служили ларьки

с игрушками и всякой чепухой, игрой в наперсток¹, палатки со стереоскопическими картинками, восковыми фигурами, живыми уродцами, а также бескорыстными лекарями и прорицателями, путешествующими для блага человеческого.

Наших путников все это не прельщало, и они принялись озира́ться, отыскивая среди множества палаток, разбросанных по полю, такую, где можно было бы подкрепиться. В золотистой дымке угасающих солнечных лучей две ближайшие палатки показались им, пожалуй, одинаково соблазнительными. Одна была из новенькой парусины молочного цвета, с красными флагами на верхушке; вывеска гласила: «Доброе пиво домашней варки, эль и сидр». Другая была не такая новенькая; сзади из нее торчала небольшая железная труба, а спереди красовалась вывеска: «Вкусная пшеничная каша». Мужчина медленно осмотрел обе надписи и уже было направился в первую палатку.

— Нет-нет... не туда, — сказала женщина. — Я люблю пшеничную кашу, и для Элизабет-Джейн она подойдет, да и тебе понравится. Она сытная, а день был длинный и трудный.

— Никогда ее не пробовал, — угрюмо произнес мужчина.

Однако он внял доводам женщины, и они вошли в палатку, где торговали пшеничной кашей. Там они увидели

---

¹ Игра в наперсток — азартная игра, популярная на ярмарках. Заключалась в следующем: ведущий игры накрывал горошину одним из трех наперстков, быстро перемещал их по столу и предлагал окружающим угадать, под каким из них она теперь находится. Ставки подчас были крупные, а ведущим благодаря ловкости рук нередко удавалось обманывать простаков. (*Здесь и далее примеч. перевод., если не указано иное.*)

большую компанию, расположившуюся за длинными узкими столами, которые тянулись вдоль стен. В дальнем конце стояла печь, топившаяся углем, а над огнем на треноге висел большой котел, покрытый таким слоем копоти, что лишь на истершихся краях можно было увидеть колокольную медь, из которой он был сделан.

Во главе стола сидела особа лет пятидесяти, похожая на ведьму, в белом переднике, придававшем ей респектабельный вид и настолько широким, что почти сходиллся у нее за спиной. Она медленно перемешивала содержимое котла. В палатке раздавался глухой скребущий звук большой ложки, которой женщина орудовала, не давая подгореть своему допотопному вареву из пшеничных зерен, молока, изюма и других всевозможных добавок. Миски с этими добавками стояли тут же, на застланном белой скатертью столе.

Молодые мужчина и женщина заказали себе по миске горячий, дымящейся каши и уселись, чтобы поесть не спеша. Пока все шло отлично: пшеничная каша, как и говорила женщина, была сытна, и более подходящей пищи нельзя было сыскать в пределах четырех морей, хотя, правду сказать, тем, кто к ней не привык, поначалу едва ли могли понравиться разбухшие зерна пшеницы величиной с лимонное зернышко, которые плавали в жидкой похлебке.

Однако в этой палатке творилось нечто такое, что было предназначено не для чужих глаз, и мужчина сразу же инстинктивно почувствовал это.

Поковырявшись в каше, он стал краем глаза наблюдать за манипуляциями ведьмы и разгадал, какую игру она вела. Он подмигнул ей и, получив согласие в виде кивка, протянул свою миску; тогда она достала из-под стола бутылку, украдкой отмерила толику и вылила в кашу. Это был ром. Мужчина так же украдкой передал ей деньги.

Варево, щедро приправленное спиртом, пришлось ему гораздо больше по вкусу, чем в первоначальном виде. Его жена с тревогой наблюдала за этим, но он принялся уговаривать ее тоже приправить кашу, и, поколебавшись немного, она согласилась, только на меньшую порцию.

Мужчина доел свою миску и потребовал вторую, с еще большим количеством рома. Очень скоро его действие стало проявляться в поведении мужчины, и женщина с грустью отметила, что, хоть ей и удалось благополучно избежать подводных рифов в виде палатки, имевшей право торговать спиртными напитками, они все равно очутились в пучине водоворота, где торгуют хмельным из-под полы.

Малютка нетерпеливо залепетала, и жена несколько раз повторила мужу:

— Майкл, как же быть с жильем? Мы ведь можем не найти пристанища, если здесь задержимся.

Но он как будто и не слышал этого птичьего чириканья. Обратившись к собравшейся компании, он принялся громко разглагольствовать. Когда зажгли свечи, девочка медленно перевела на них задумчивый взгляд круглых черных глазенок, но веки ее тотчас сомкнулись, потом раскрылись, потом снова закрылись, и она заснула.

После первой миски мужчина пришел в безмятежное расположение духа; после второй развеселился; после третьей стал без умолку разглагольствовать; после четвертой в поведении его обнаружили те качества, что подчеркивались складом его лица, манерой сжимать губы и огоньками, загоравшимися в темных глазах, — он стал сварливым, даже вздорным.

Разговор шел на повышенных тонах, как нередко бывает в подобных случаях. Гибель хороших людей по вине дурных жен, крушение смелых планов и надежд многих

способных юношей и угасание их энергии в результате ранней неосмотрительной женитьбы — вот какова была тема.

— Так и я себя доконал, — сказал вязальщик задумчиво, с горечью, чуть ли не со злобой. — Женился в восемнадцать лет, как последний дурак, и вот последствия. — Он указал жестом на себя и семью, словно приглашая полюбоваться на это жалкое зрелище.

Молодая женщина, его жена, очевидно привыкшая к таким заявлениям, держала себя так, будто и не слыхала их, и время от времени нашептывала ласковые слова малютке, которая то засыпала, то снова просыпалась и была еще так мала, что мать лишь на минутку могла посадить ее рядом с собой на скамью, когда у нее уж слишком затекали руки.

Мужчина же продолжал:

— Все мое достояние — пятнадцать шиллингов, а ведь я свое дело знаю. Бьюсь об заклад, что в Англии не найдется человека, который побил бы меня в фуражном деле, и, освободись я от обузы, цена бы мне была тысяча фунтов! Но такие вещи всегда понимаешь слишком поздно.

Снаружи долетел голос аукционера, продававшего на поле старых лошадей:

— А вот и последний номер! Кто возьмет последний номер? Почти задаром, ну за сорок шиллингов! Племенная кобылица, подает большие надежды, чуть старше пяти лет, и лошадь хоть куда, вот только спина малость примята да левый глаз вышиблен — кобыла лягнула, родная сестра ее, повстречавшаяся на дороге.

— Ей-богу, не пойму, почему женатый человек, если ему опостылела жена, не может сбуть ее с рук, как цыгане сбывают старых лошадей, — продолжал мужчина в палатке. — Почему бы не выставить ее и не продать с аук-

циона тому, кто нуждается в таком товаре, а? Ей-ей, я продал бы свою сию же минуту, пожелай только кто-нибудь ее купить!

— Да желающие нашлись бы! — отозвался кто-то из присутствующих, глядя на женщину, которая была отнюдь не обижена природой.

— Верно! — поддержал джентльмен, куривший трубку; пальто его у ворота, на локтях, на швах и лопатках приобрело тот отменный глянец, какой появляется в результате длительного трения о грязную поверхность и более встречается на мебели, чем на одежде. Судя по внешности, он был когда-то грумом или кучером в каком-нибудь поместье. — Могу сказать, что вырос я в самом хорошем обществе, — добавил он, — и уж кому, как не мне, знать, что такое настоящий аристократизм! И вот я утверждаю, что у нее этот аристократизм есть, в крови, так сказать, сидит, как у любой женщины здесь, на ярмарке, только, может, надо дать ему проявиться. — Тут он скрестил ноги и снова занялся своей трубкой, пристально всматриваясь в какую-то точку в пространстве.

Захмелевший молодой супруг, услышав столь неожиданную похвалу своей жене, на секунду замер, широко раскрыв глаза, словно усомнившись, благоразумно ли с его стороны так относиться к обладательнице подобных качеств. Но он быстро вернулся к своей первоначальной идее и грубо сказал:

— Ну так смотрите, не упустите случая: я готов обсудить цену, какую вы предложите за это сокровище.

Женщина повернулась к мужу и прошептала:

— Майкл, ты и раньше уже болтал на людях такую чепуху. Шутки шутками, но смотри, как бы не хватить через край.

— Знаю, что говорил. И говорил всерьез! Если бы еще покупатель нашелся...

В эту минуту в палатку сквозь щель вверху влетела ласточка, одна из последних в этом сезоне, и стремительно закружила над головами, невольно приковав к себе все взгляды. Наблюдение за птицей, пока та не улетела, отвлекло собравшихся от обсуждаемого вопроса, и разговор оборвался.

Но спустя четверть часа муж, который все подливал и подливал себе рому в кашу и — то ли оттого, что голова у него была такая крепкая, то ли он был таким привычным к питию — отнюдь не казался пьяным, снова завел свою песню, подобно тому как в музыкальной фантазии инструмент подхватывает первоначальную тему:

— Ну, так как же насчет моего предложения? Эта женщина мне ни к чему. Кто польстится?

Компания к тому времени явно захмелела, и теперь вопрос был встречен одобрительным смехом. Женщина зашептала умоляюще и встревоженно:

— Идем, уже темнеет, хватит болтать! Если ты не пойдешь, я уйду без тебя! Идем!

Она ждала, ждала, однако он и ухом не повел. Не прошло и десяти минут, как он снова прервал бессвязную болтовню любителей рома с пшеничной кашей:

— Я ведь задал вопрос, а ответа так и не получил. Есть здесь какой-нибудь Джек Оборванец или Том Соломенный, который купит мой товар?

В поведении женщины произошла перемена, и на ее лице появилось прежнее угрюмое выражение.

— Майк, Майк, — сказала она, — ты уже хватил лишку. Это уже становится слишком серьезным!

— Желает кто-нибудь купить ее? — спросил мужчина.

— Хотела бы я, чтоб кто-нибудь купил, — твердо заявила она. — Нынешний владелец ей совсем не по вкусу!

— Вот и ты мне не по вкусу! — процедил он. — Стало быть, договорились! Джентльмены, вы слышите? Мы договорились расстаться. Если хочет, пусть берет дочку и идет своей дорогой. А я возьму инструменты и пойду своей. Все ясно как божий день. Ну-ка, Сьюзен, встань, покажись.

— Не делайте этого, дитя мое! — шепнула дородная женщина в широких юбках, торговка шнурками для корсетов, сидевшая рядом. — Ваш муженек сам не знает что говорит.

Однако женщина встала.

— Ну, кто будет за аукционщика? — крикнул вязальщик сена.

— Я! — тотчас отозвался коротенький человек, у которого нос походил на медный набалдашник, голос был простуженный, а глаза напоминали петли для пуговиц. — Кто предложит цену за эту леди?

Женщина смотрела в землю — казалось, ей стоило величайшего внутреннего напряжения оставаться на месте.

— Пять шиллингов, — сказал кто-то, после чего раздался смех.

— Прошу не оскорблять! — возмутился муж. — Кто дает гинею¹?

Никто не отозвался; тут вмешалась торговка корсетными шнурками:

— Ради бога, ведите себя прилично, любезный! До чего жестокий муж у бедняжки! Клянусь спасением моей души, иной раз замужество обходится слишком дорого!

— Повышай цену, аукционщик! — приказал вязальщик.

---

¹ Гиней — английская золотая монета весом 8,3—8,5 г (90 % золота), имевшая хождение с 1663 по 1813 г.

— Две гинеи! — крикнул аукционщик. Никто не отозвался.

— Если не хотят брать за эту цену, через десять секунд им придется платить дороже, — сказал муж. — Прекрасно. Ну-ка, аукционщик, набавь еще одну.

— Три гинеи! Идет за три гинеи! — крикнул простуженный человек.

— Кто больше? — спросил муж. — Господи, да она мне в пятьдесят раз дороже стоила. Набавляй.

— Четыре гинеи! — выкрикнул аукционщик.

— Вот что я вам скажу: дешевле, чем за пять, я ее не продам, — объявил муж, ударив кулаком по столу так, что подпрыгнули миски. — А за пять гиней я продам ее любому, кто согласен заплатить мне и хорошо обращаться с ней. И он получит ее на веки вечные, а обо мне никогда больше не услышит! Но за меньшую сумму — не пойдет! Так вот, пять гиней — и она ваша! Сюзен, ты согласна?

Женщина с полнейшим равнодушием наклонила голову.

— Пять гиней, — сказал аукционщик, — не то товар снимается с торгов. Кто дает пять гиней? В последний раз. Да или нет?

— Да! — раздался громкий голос в дверях.

Все взоры обратились в ту сторону. В треугольном проеме, служившем палатке дверью, стоял моряк, появившийся незаметно для остальной компании минуты две-три тому назад. Мертвая тишина воцарилась после его возгласа.

— Вы сказали, что даете пять гиней?! — спросил муж, вытаращив на него глаза.

— Сказал, — ответил моряк.

— Одно дело — сказать, а другое — заплатить. Где деньги?

Моряк с минуту помешкал, еще раз посмотрел на женщину, подошел, развернул пять хрустящих бумажек и бро-

сил их на скатерть. Это были кредитные билеты Английского банка на сумму пять фунтов¹. Сверху он со звоном отсчитал несколько шиллингов — один, два, три, четыре, пять.

Вид денег, всей суммы полностью, в ответ на вызов, который до сей поры почитался, пожалуй, лишь пустыми словами, произвел на зрителей огромное впечатление. Все впилось глазами сначала в лица главных участников, а затем в кредитные билеты, которые лежали на столе, придавленные шиллингами.

Вплоть до этого момента нельзя было с уверенностью утверждать, что муж, несмотря на свое соблазнительное предложение, говорит всерьез. Действительно, зрители все время относились к происходившему как к иронично-дерзкой выходке, и решили, что, должно быть, оставшись без работы, он озлобился на весь мир, на общество, на своих близких. Но когда в ответ на предложение возникли наличные деньги, шутливое легкомыслие улетучилось. В атмосфере палатки появилось что-то трагическое, облик всех находившихся в ней изменился. Смешливые морщинки разгладились на лицах слушателей, и все застыли, разинув рты.

— Ну, Майкл, — сказала женщина, нарушив молчание, и ее тихий бесстрастный голос отчетливо прозвучал в тишине. — Пока ты еще не наломал дров, выслушай меня. Как только ты прикоснешься к деньгам, мы с дочкой уйдем с этим человеком. Пойми, сейчас это уже не шутка.

— Шутка?! Конечно, это не шутка! — крикнул муж, и злоба с новой силой вспыхнула в нем. — Я беру деньги, моряк берет тебя. Все просто и понятно. Такое уже бывало, почему же теперь нельзя?

---

¹ Фунт стерлингов — национальная валюта Великобритании. За 1 золотую гинею давали 1 фунт стерлингов плюс 1 шиллинг.